

№10 1996

Хорошая статья - всегда оправдание. Даже самооправдание: почему с таким упорством в газете "Цирк Олимп", с ее специфическим кругом тем, пишу не о постмодернизме, а об исполнителях? Что из того, что они - тоже явление современное, наши современники? Все мы пока еще живы... Оправдания требует и амикошонское название. Какой он нам всем Дима - Дмитрий Алексеевич Дятлов? Был это у нас в Гнесинке приятель - многие "гнесинские" самарцы помнят - Финик. Виталий Вениаминович Финкельберг, иными словами. Финик и Финик. Приехал после аспирантуры на работу в Душанбе. Никто его не знает. Не знают и клички его. Глянь - уже и студенты его Фиником стали

не принадлежит. Вкупе со своими высказываниями.

Давно замечала, слушая ДИМУ - так и будем пользоваться этой аббревиатурой вплоть до ее разъяснения - насколько выразительно "произносится" на рояле каждая интонация. Смысл рвется из щелей - и вырывается, наконец.

"Художественный предмет", одно из главных понятий философии Ильина, составляет для ДИМЫ этот тайный смысл.

Выберем из трехчасовой программы трехминутную пьесу "Серые облака". Поздний Лист перешагивает через столетие. Не дожили мы еще до того времени, которому будет современна эта странная музыка. По масштабам, по той предельной краткости, которая даже ко всему привыкший слух конца ХХ века шокирует, близкая к Веберну. По зловещей афористичности - к позднему Скрябину. По звуковым туманностям,

АПОЛОГИЯ ДИМЫ ДЯТЛОВА

звать, как-то сразу. Крупными буквами на Финике написано, что он - Финик. Наверное, и на Дятлове тоже есть такая надпись, волшебными китайскими буквами под слоем позолоты - ДИМА! Может быть, это аббревиатура?

Исследователи постмодернизма, братья литераторы и художники! И слово, и холст - лишь поверхность. Самые тонкие процессы, самые выразительные проявления духа времени всегда уходят с поверхности в подпочву. Работа со словом, с живописным художественным образом - ничто в сравнении с работой музыканта над тем неназываемым, глубинно интуитивным, что только с трудом ухватывается музыковедом или музыкальным критиком. Зря ли образ композитора и написанной им музыки стал в "Докторе Фаустусе" символом горестной современности? Зря ли Гессе в "Игре в бисер" музыкование делает прообразом игры? И Томас Манн, и Гессе понимали, что смыслы культуры, как вода через песок, просачиваются в такие глубокие недра, в каких существовать может только музыка.

Тем более это относится к музыкальному исполнительству. Кто (за исключением, разумеется, великого Гаккеля) о нем вообще может высказаться? Критические суждения всегда плавают на поверхности, а под ней - таинственный могучий океан неназванного.

Нынешний в него.

Для начала назовем дотоле не названное. Исполнительство как постмодернизм. Исполнитель в данном случае как раз Дятлов. Пойдет речь и о тенденции, и о фигуре музыканта, эту тенденцию олицетворяющего. А где Дятлов, там и Лист. И, значит, фортепианная музыка Листа - четыре монографические программы Дмитрия Дятлова, в которых я имею счастье участвовать в дурацкой роли этакого музыковедческого конферансье.

Конферансье себе не всякому хочется. Если бы Бог дал мне счастье быть музыкантом играющим, а не пишущим-говорящим, ни за что бы не пустила на свой концерт чудовище, именуемое "лектор-музыкoved". Почему же Дятлов свои листовские клавирабенды портит присутствием говорящего чудовища?

Не переходя на личности - свою или дятловскую - замечу, что музыка комментируемая, музыка со своей германевтической "тенью" является, конечно, одной из примет современного исполнительства. Романтическая позиция, позиция нашего "вчера", этой постоянной потребности музыки в музыковедческом комментарии не знала. Разумеется, были статьи и Листа, и Шумана, и Берлиоза, и Вагнера. Полемические или просветительские, они "расставляли по местам" явления музыкальной жизни. Всего лишь... Двадцатому веку этого мало. Скрытая в музыке энергия понятийно-смыслового высказывания рвется наружу из всех щелей. Может, композиторы и паузы-то пишут только для того, чтобы пианист, повернувшись к залу, успевал словцо молвить?

Самые хорошие музыковеды получаются из исполнителей. Алексей Васильевич Фере, легендарная фигура самарской музыкальной жизни, выучивший сотню другую музыковедов, когда-то в молодости средства к существованию добывал концертной деятельностью - играл сонаты Скрябина.

Любимые гнесинские преподаватели удивляли не столько своими музыковедческими талантами, сколько владением инструментом. Что говорил Боровский на лекциях?! Чудо какое-то! Но играл как!

Ионин на лекциях по истории музыки ни разу не притронулся к инструменту. Но один раз все-таки случилось, притронулся - и сыграл сразу Мессиана!

Напившись на празднике, посвященном нашему поступлению в аспирантуру, преподаватель кафедры анализа и полифонии Панкратов присел к инструменту и спросил:

"Ну, Наташа, что вам сыграть?"

"Финал Четвертого концерта Рахманинова", - легкомысленно ответила я. Сергей Петрович сыграл заказанное.

"А еще что?"

"Финал "Крейслерианы".

Сыграл и "Крейслериану".

"А теперь?"

"Финал до-диез-минорного квартета Бетховена", - такие тогда вкусы были.

"Я его не играю", - ответил Панкратов, играя, тем не менее, квартет - и все ведь наизусть!

"Но лучше я вам этюды Скрябина поиграю!" - заключил Сергей Петрович и, действительно, поиграл.

Может быть, и Дятлов - пианист с музыковедческим будущим? А не черта ли это музыкального ХХ века - играть не только музыку, но и некое выраженное в звуках философско-музыковедческое построение. Пианист, знающий, что он играет, с одной стороны - фигура удивительная. С другой же стороны - вполне постмодернистская.

Трудно вербализовать глубинную суть музыки. Но глубины почему-то просятся быть облечеными в слова. Может быть, исполнитель, которому это удается, достигает какого-то иного качества? Интересно всегда казалось послушать, что исполнители говорят о музыке. Дятлов как раз из тех пианистов, кому удается выразить таинственную суть музыки в словах.

Жалею, что многое из высказанного с глазу на глаз пропадает втуне. Пробовать ли пересказать? С одной стороны, самим Дятловым такую пересказ не санкционирован. С другой же - концептуирующий пианист, хочешь - не хочешь, уже стал действующим лицом истории. Себе, значит,

окутывающим тему, - к Лигети или даль Фарра. "Не удивительно, что Лист изображает облака, - говорит ДИМА. - А удивительно то, что через облака летит самолет. Гул мотора, сигналы радиостанции". Постмодернистская ирония переворачивает мир, заставляет видеть высокое в низком, низкое в высоком - впрочем, где здесь высокое, где низкое? Трагически-непонятный поздний Лист вдруг обретает отчетливое сходство с Игорем Иртеньевым, с чем-то наподобие:

. На небе молния зажглась
И долго там себе горела.

На концерте в "Арт-салоне" гуманитарной академии, в обстановке камерной и предрасполагающей к разговору со слушателями, ДИМА, демонстрируя двойное или тройное дно купуарной иронии, говорил по поводу "Серых облаков" о предельной конструктивности, о постепенном переходе от плотского к духовному.

Сотрем позолоту. Что там написано волшебными китайскими буквами? Что все-таки значит аббревиатура ДИМА? Дятлов играет Моцарта и Альбениса? Реверсивное описание? Deus Implevit Mysteriam Aeternam?

Михаил Александрович Аркадьев побывал на конференции в Самаре. Кроме всего прочего, проконсультировал ДИМУ, послушав сонату Листа си-минор.

Занятиями, собственно говоря, этот импровизированный мастер-класс называть было нельзя.

(Импровизированный - потому что не входил в объявленную программу конференции и прошел как бы подпольно, в классе). Сонату Миша хорошо знает, играл лет десять назад. Усевшись за второй рояль, он прошел с ДИМОЙ от начала до конца все произведение. Дмитрий Алексеевич не ученик, концепция сонаты у него есть и собственная. Пианистически для ДИМЫ трудностей словно и нет. Поэтому в аркадьевском показе было не поучение, не помощь старшему младшему, а сопоставление собственного исполнительского решения с ДИМиним. Мы услышали две разные сонаты.

Аркадьев играет сонату си-минор (с необъявленной, но, по исполнительскому преданию, связанной с "Фаустом" Гете программой) "с позиции

Мефистофея". Безудержность фаустианских порывов, разгул демонических сил, далекий печальный свет, то с одного, то с другого боку освещая адскую бездну... Бррр...

Бездна, конечно, очень глубока. Мир сонат у Аркадьева бездонен, но бездонен, так сказать, в прямом смысле, в глубину. И Аркадьев эти глубины всесторонне и компетентно исследует - и откуда только этот страшный опыт?

Вот лишенное доказательство тому, что духовный опыт образуется не жизненными обстоятельствами. Душа гуляет по каким-то иным просторам... Не вдаваясь в жизненные обстоятельства Дятлова (впрочем, практически мне не известные - я искусствовед, а не биограф), могу только заметить, что в ДИМиной концепции сонаты воплощен совсем иной духовный опыт.

Зловещие черные тени, где вы? Как ни старался Аркадьев насаждать их в ДИМиной игре, Дятлов так и остался Дятловым. Всепрощение осеняет их крестом, райский свет притягивается к себе, в волнах этого света далеко внизу остаются раскаты адского хохота.

Мало кто из композиторов живописал райские сферы - а может быть, и вообще никто, кроме Листа. Абсолютный свет, абсолютное добро, бесценевое сияние абсолюта - не человеческое это дело. Хрустальные стеклянные звучности, нежные прозрачные гармонии - где мог Лист это подслушать? И как это подслушанное сыграть? Атеистическому сознанию райские арфы представляются синонимом вечной скучи. Чтобы не скучно было, чтобы, говоря словами Набокова, просиял узор, придуманный в раю, чем-то надо листовские бесплотные райские узоры наполнить. ДИМА наполняет их интонациями бесконечного сострадания. Оказывается, песни, которые поют ангелы в раю - это песни утешения, полные жалости к человеческим горестям.

Как будто основной смысл сонаты Листа - крушение человечности и злорадное торжество Мефистофея? Свет идеала все тускнеет, уходя в заоблачные выси?

Как мог Дятлов перенести акцент с торжества демонического начала на исчезающее в облаках райское сияние? За четыре года до конца света?

Надо бы вернуться в конце статьи к постулированной в ее начале идее исполнительства конца ХХ века как постмодернистского искусства. Но материал уводит от нее. Не постмодернистская это позиция, ох, не постмодернистская...

Наталья Эскина

